
УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)
Ш 18

Т.А. Шалюгина,
*соискатель кафедры социологии, политологии и права ИППК ЮФУ, эл.адрес:
kor@kubsu.ru*

**Феномен имитации
в советской социальной реальности
(Рецензирована)**

Аннотация. В статье выявляется, как на новую социальную реальность в условиях формирования тоталитаризма накладывались разнообразные стратегии имитации: «постановочный стиль» жизнедеятельности; символическое конструирование, мифологизация и примитивизация, идеологическая индоктринация. Базовыми составляющими имитации выступали: социальное действие как внедрение принципов «видимости» в массовое сознание; отход от рациональности, включающее искажение или даже разрушение фиксированного смысла социальной реальности в коммуникативном общении и социальном восприятии; фактор конструирования символической реальности; прагматичность имитации как практики.

Ключевые слова: советская социальная реальность, советизм, тоталитаризм, имитационные стратегии, имитация успешного развития.

T.A. Shalyugina,
*Applicant for Candidate degree of Department of Sociology, Political Science and
the Law of IPPK YUFU, Rostov-on-Don, e-mail: kor@kubsu.ru*

**Imitation phenomenon
in the Soviet social reality**

Abstract. The paper reveals how a variety of imitation strategies were imposed on the new social reality in the conditions of totalitarianism formation: “installing style” of life, symbolic engineering, mythologization and primitivization and ideological indoctrination. The basic components of the imitation are: social action as the introduction of the principles of “vision” in the mass consciousness, a departure from rationality, which includes the distortion or even destruction of the fixed sense of the social reality in a communicative dialogue and social perception, factor of the engineering of the symbolic reality, pragmatism of imitation as a practice.

Keywords: Soviet social reality, Sovietism, totalitarianism, imitating strategy, imitation of successful development.

С утверждением нового политического режима в советскую эпоху начинает существенно меняться социальная реальность. После Октябрьской революции и прихода к власти новых политических сил происходит изменение общественно-политического строя и режима власти, провозгласившей себя «властью масс», рабочих и беднейших крестьян. К середине 1930-х годов окончательно оформляется новый об-

щественный строй, что формально было зафиксировано на XVII съезде партии в 1934 году, а затем в сталинской Конституции 1936 года. «На месте разрушенной прежней жизни возник тотально огосударственный и идеологически унифицированный социум, обслуживавший потребности форсированного военно-индустриального развития»[1].

На новую социальную реальность в условиях формирования тоталита-

ризма накладывались разнообразные стратегии имитации: «постановочный стиль» жизнедеятельности; символическое конструирование, мифологизация и примитивизация, идеологическая индоктринация. Базовыми составляющими имитации выступали: социальное действие как внедрение принципов «видимости» в массовое сознание; отход от рациональности, включающий искажение или даже разрушение фиксированного смысла социальной реальности в коммуникативном общении и социальном восприятии; фактор конструирования символической реальности; прагматичность имитации как деятельностной практики.

Так постепенно формировался, по определению А.А.Зиновьева, советизм, который обладал высокой степенью имитационности. «Россияне, прожившие какую-то часть сознательной жизни в советские годы, должны помнить, какую огромную роль тогда играла показуха, создание видимости успехов, всякого рода торжественные спектакли, долженствующие демонстрировать единство, преданность, готовность и т.п., воображаемые явления советского образа жизни. Имитационный аспект советской жизни достигал таких масштабов, что даже в официальной советской идеологии и культуре дозволялось критиковать его самым беспощадным образом. Постсоветизм стал закономерным преемником советизма с этой точки зрения, несколько снизив его в поверхностных проявлениях, но зато углубив его до самих основ социальной организации постсоветского общества. Имитационность становится не просто второстепенным свойством новой социальной организации России, но таким свойством, которое определяет ее глубинную сущность как в целом, так и каждого ее компонента в отдельности» [2].

С помощью имитационных стратегий эффективно реализовались практики культурной и идеологической легитимации власти, прежде всего, самого Сталина. В основе советской культуры, по определению А.Ю.Зудина, было заложено глубокое исходное противоречие, обусловленное механизмом ее

формирования. Классическая версия советской культуры основывалась на сакрализации секулярных (общественно-политических) ценностей и вытеснении сакральных («смысло-жизненных») ценностей на периферию. Несоответствие внутреннего содержания ценностей их официальному положению образует базовое противоречие советской культуры [3].

В новых социальных и политических условиях ресурсами субъектов имитации становятся: «вектор силы», властные и статусные полномочия, «административный ресурс»; манипулятивные социальные технологии; средства идеологической индоктринации. Трансляционные механизмы в своих глубинных основаниях демонстрировали черты преемственности с ранним советским и даже дореволюционным опытом; власть оставалась (не в формальном, а в «содержательном» смысле) по происхождению наследственно-избирательной, а по составу — ограниченно-самодержавной. Особую роль в процессах властного воспроизводства обретал кратократический принцип — партийно-вождистская и идеологическая преемственность, которая строилась на сложном сочетании (псевдо)династического и (псевдо)сакрального [4].

В сталинской империи государство виделось подобием средневекового духовного ордена. Известно принадлежащее Сталину уподобление партии «ордену меченосцев», — а партия и государство в советской системе социальных представлений были слиты до почти полной неразличимости. Как пишет К.Кобрин, Сталин был тем самым гайдуком, утачившим барскую шубу с растаявшего петровского театрального разъезда. Надев эту шубу, он стал изображать великого императора. Стал одевать взбунтовавшуюся, скинувшую одежду Россию в ложноклассические театры, дворцы культуры, юбилеи Пушкина, станции метро, книги о вкусной и здоровой пище, вассальные провинции. Станиславский победил Мейерхольда, иными словами — Сталин победил Троцкого. Родился театр в квадрате, театр в кубе, Театр-Театр,

или Театр-Театр-Театр. Выразителями сей виктории стали вальяжные «крепостные мхатовские джентльмены» и актрисы — сановные содержанки. Это была имитация дореволюционной державности, дореволюционного театра, но ведь и сами они, в свою очередь, были имитацией, так что сталинскую эпоху можно счесть платоновским «симулякром», копией копии копии; копией, не имеющей отношения к оригиналу (действительно, что здесь оригинал?); самоценным образом [5].

Начинается сакрально-символическое возвышение практик власти. А. Медушевский определяет сталинизм как систему, тяготеющую к установлению максимального контроля над информацией в интересах направленного манипулирования человеческими ресурсами. Ключевыми параметрами анализа при таком подходе становятся: особенности формирования информационной картины мира и параметры ее проектирования, внешние и внутренние сигналы, определившие информационно-коммуникативные процессы в системе на разных этапах ее существования; масштабы, параметры и цели социального конструирования; информационная сегрегация общества как основа манипулирования; конструирование идентичности и факторы, определившие выбор на переломных точках; социальная адаптация и рычаги управления мотивацией поведения; норма и девиация в когнитивной адаптации индивида [6].

Сама по себе имитация выступала для власти как ресурс легитимации. При этом, по определению современных историков и философов, метод Сталина заключался в «имитации гражданской войны в условиях гражданского мира». Милитаристская государственность с сакральным вождем во главе неизбежно включала не только создание образа «осажденной крепости», военно-приказную экономику, милитаристский идеологический язык, сокрытие информации и дезинформацию, но также имитацию гражданской смуты. Без такой имитации немислима была бы и советская индустриаль-

ная модернизация с ее «штурмами», «сражениями», «мобилизациями» и «героическими победами». Тотальная дезинформация — единственный возможный способ консолидации атомизированного общества, удерживаемого в состоянии дезорганизации и лишенного права на самоорганизацию [7].

Репрезентация как коммуникативный процесс конструирует политическую и социальную реальность разными способами и разными средствами, при этом субъект и объект власти должны владеть символическим языком коммуникации, их идентичности должны определенным образом совпадать. После завоевания власти большевиками задачей повседневной советской публичной политики стала система мер по репрезентации государства посредством политической символики в коммуникативном процессе. После октябрьской революции 1917 г. у новой государственной власти наравне с репрессивной политикой по отношению к лицам, не испытывавшим лояльности к большевикам, возникла и одна из важнейших задач в идеологической сфере: формирование позитивного образа и его репрезентация среди широких слоев населения. Важно было не только информировать граждан о целях нового государства, разъяснять позиции по многим актуальным вопросам, но и пропагандировать коммунистические идеи, осуществлять агитацию за государственное устройство на новых основаниях, адаптировать массовое сознание к новым принципам функционирования общества и власти.

Грандиозный суперпроект сталинской эпохи — «сказку сделать былью» — как стало ясно с течением времени, не был окончательно реализован. Причина неудачи не только в фантастичности проекта. При всей любви сталинского искусства (в особенности кинематографа) к сказочным архетипам, сюжетам и схемам, несомненно ориентация советской культуры не на саму сказку, а на то, что располагается глубже — на миф.

Мифологическое сознание, как известно, базируется на символизации

абсолютно всех явлений и предметов. В свою очередь, политический тоталитаризм неотделим от тоталитаризма семиотического. Человек сталинского времени всегда и всюду одержимо выискивает знаки и символы и создает тем самым совершенно особое пространство, где практически ни одна вещь, пусть даже самая простая и обыденная, не равна себе, но отсылает к чему-то иному. О сверхсемиотичности советской жизни писали многие свидетели эпохи. Праздники, юбилеи, обряды, ритуалы, церемониалы составляли неотъемлемую часть, характерную черту, социально-культурную форму общения членов общества. Для советского общества это почти всегда была торжественная, необыденная, праздничная сторона самой жизнедеятельности. Различные репрезентационные механизмы формировали новое отношение к празднику как к труду: в праздник можно и нужно было работать, трудовые свершения стали называться праздником. Власть становится зрелищной. Торжественные инсценировки (не только праздники, но и собрания, «активы», съезды советских времен) служили средством представления власти и включения в коммуникационный процесс и со временем стали обычным способом самовыражения властной элиты [8].

Не менее значимым стал фактор имитации успешного и поступательного развития Советского Союза. Пресса гремела о победном завершении первой пятилетки и столь же победном начале второй, вызволяла из ледового плена «Челюскина», рассказывала, как погружается в кризис экономика буржуазных стран, публиковала липовые цифры экономического роста. Так создавалась параллельная реальность [9]. Пропаганда неустанно твердила об уверенной поступи советского народа на пути построения светлого будущего. При этом данные об экономике дореволюционной России устранялись из общественного сознания.

В стратегиях имитации все более заметную роль начинали играть литература и искусство. Деятели социалистической культуры создавали социа-

листический миф, который благодаря массовости кино заменял реальность. Образ революции и легитимной власти репрезентировался в знаменитых в советское время картинах «Октябрь» (1927 г.), «Юность Максима» (1934 г.), «Ленин в Октябре» (1937 г.) и др., которые можно считать «классикой» жанра конструирования событий. Кинофильм «Кубанские казаки», который так любят приводить в пример, показывая фальшь сталинского кинематографа, — образец заказного жанра, аккуратно исправляющего несовершенную действительность средствами искусства.

В период руководства Н.С.Хрущева начинается время имитации реформ и либерализации. «Оттепель», которая, по словам писателя И.Г. Эренбурга, пришла на смену «крепкому морозу» сталинского правления, — это «брожение умов» во всех слоях тогдашнего общества, нарастающие изменения в общественной и культурной жизни. Но с самого начала «оттепель» приобрела противоречивый характер. Критика «культы личности» разрушила одномерное восприятие прошлого, а десталинизация расколола общественное сознание. Затем стали быстро нарастать потребительские притязания в противовес их искусственному сдерживанию в эпоху Сталина, вплоть до потребительского аскетизма.

В «эпоху застоя» стали еще больше нарастать искажения в политической и общественной жизни страны, что неизбежно потребовало от властей усиления имитационных стратегий. Ведущей тенденцией внутривластного развития становится рост роли партийной и государственной бюрократии. Теоретической основой политической системы был курс на «возрастание руководящей роли КПСС». Стал нарастать культ Л.И.Брежнева — яркий пример имитации в социокультурных практиках властвующей элиты (номенклатуры). Эпоха застоя стала временем расцвета номенклатурных привилегий. В высших сферах процветали протекционизм и кумовство, взяточничество и коррупция. Ситуация личной безопасности, которую номенклатура получила

в эпоху застоя, вела к личной безответственности, освобождала ее от всех моральных законов и нравственных запретов. Номенклатура со своими правами, привилегиями, иерархией стала замкнутой и закрытой кастой. Отсутствие гласности, бесконтрольность способствовали разложению значительной части партийно-государственного аппарата. Развивалась коррупция, происходило сращивание части номенклатуры с криминалом.

Явление имитации в советской социальной реальности во многом было обусловлено противоречиями развития

общества. Ведущими тезисами советской жизни было «воспитывать, поднимать, созидать, звать в будущее». Но творческому, созидательному порыву «человека советского» чуть ли не с самого начала противостоял запрет на любое действие вне установленных рамок. Громкая идеология созидания «нового общества», призывавшая всех на это эпохальное строительство, требовавшая от каждого мужественного вклада в созидательный процесс, строго оговаривала при этом, на что созидательное усилие может быть направлено.

Примечания:

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2008. С. 315.
2. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006, С. 429.
3. Зудин А.Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита // Мир России. 2002. №3. С. 124-125.
4. Глебова И.И. Образы прошлого в структуре политической культуры России: автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2007.
5. Кобрин К. Неизбежность театра // Профили и ситуации. Статьи и эссе. Urbi: лит. альманах. СПб.: Атос, 1997. Вып. 12. С. 127-130.
6. Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория как новая парадигма в гуманитарном познании // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70-92; Медушевский А. Сталинизм как модель. Обзорные издательского проекта «РОССПЭН» «История Сталинизма» // Вестник Европы. 2011. №30.
7. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. Указ. соч. С. 336-337.
8. Муратова А.С. Обряд и праздник // Мир психологии. 2001. №4. С. 69-71.
9. Орешкин Д. Сталин как дешевка. Победные цифры // Ежедневный журнал. 2011. 24 июня.

References:

1. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. History of Russia: is it the end or the new beginning? 2d ed., corrected and enlarged. M.: New publishing house, 2008. P. 315.
2. Zinovjev A.A. The factor of understanding. M.: Algorithm: Eksmo, 2006, P. 429.
3. Zudin A.Yu. «Culture matters»: to the prehistory of the Russian transit // The World of Russia. 2002. No. 3. P. 124-125.
4. Glebova I.I. The images of the past in the structure of the political culture of Russia: Dissertation abstract for the Doctor of Political Sciences degree. M., 2007.
5. Kobrin K. The inevitability of theatre // Profiles and situations. Articles and essays. Urbi: lit. almanac. SPb.: Atos, 1997. Issue 12. P. 127-130.
6. Medushevsky A.N. Cognitive and information theory as a new paradigm in the humanitarian knowledge // Philosophy Questions. 2009. No. 10. P. 70-92; Medushevsky A. Stalinism as a model. A review of the publishing project «ROSSPEN» «History of the Stalinism» // The Bulletin of Europe. 2011. No. 30.
7. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. Mentioned work. P. 336-337.
8. Muratova A.S. A ceremony and a holiday // The World of Psychology. 2001. No. 4. P. 69-71.
9. Oreshkin D. Stalin as a cheap stuff. Victorious figures // The Daily Journal. 2011. June, 24th.